

ВИЛЕНСКИЙ СПИСОК „ЛЕТОПИСЦА ВЕЛИКИХ КНЯЗЕЙ ЛИТОВСКИХ“ – ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ И СОСТАВ

Н. Морозова

Виленский список Краткого свода летописи ВкЛ, входящий в состав рукописного сборника, известного под названием „Летописи Авраамки“, введен в научный оборот более ста лет назад [Бычков, 1893]¹. Это древнейший точно датированный список (1495 г.)

¹ Палеографическое описание рукописи неоднократно приводилось в научной литературе [см. Улащик, 1985, 51; ПСРЛ-35, 7–8; и др.], но все же кажется целесообразным обратить внимание на некоторые особенности графического оформления летописного текста, существенные для истории данного текста и, возможно, для формирования Краткого свода в целом.

Текст „Летописца...“ занимает две последние тетради рукописи, причем, исходя из расположения шпиков и филиграней, в последней тетради, недостает одного (последнего) листа. Текст литовской летописи написан на другой бумаге, чем основная часть рукописи. Примечательно, что последняя страница (первый лист новой тетради) заключительной главы Летописи Авраамки („повѣсть шѣтѣрыско^м вѣдѣт^ь кончанѣа“ [л. 434об.-436]) написана другим почерком на другой бумаге. Сразу же после окончания текста, начиная с той же строки, помещена приписка, из которой следует, что „в лѣто 7003 написана вѣсть сѣ книга, гдѣмши лѣписецъ во граде смоленскѣи, при дръжавѣ великого князѣа александрѣа, <...> руюю многорѣшнѣа раба вѣдѣ авраамъка“ [л. 436–436об.]. Текст литовской летописи помещен в самом конце, после приписки, на оставшихся пустых листах. Перед началом текста нет заглавия, текст произведения начинается даже не с новой строки, а через 1 см. после окончания приписки. От текста приписки он отделен лишь кивноварным инициалом ® без украсы. Парадоксальным является тот факт, что уже более 100 лет кодекс носит имя человека, который в действительности никакого отношения к нему не имеет, поскольку Авраамка переписал не ту часть рукописи, которая традиционно называется „Летописью Авраамки“, а „литовскую“ часть рукописи, известную как Виленский список „Летописца Великих князей Литовских“, а также последний, видимо, поврежденный лист предыдущего летописного свода. Более того, „русская“ и „литовская“ части рукописи являются разновременными. Впервые на это указывал Б. Клосс; А. Турилов подтвердил его предположение при знакомстве с рукописью de viso в октябре 1995 г. и датировал „русскую“ часть последней четвертью XV в. Анализ филиграней подтвердил датировку А. Турилова (новое палеографическое описание рукописи Библиотеки АН Литовской Республики F22-49 с уточненной датировкой будет опубликовано в ближайшее время – Н. М.). Таким образом, „Летописец...“, занимающий две последние тетради, был присоединен к кодексу в 1495 г.

В настоящее время готовится к печати перевод Краткого свода на литовский язык.

„Летописца Великих князей Литовских“; языковые особенности памятника были проанализированы Е. Карским в специальной статье, посвященной языку белорусско-литовских летописей [Карский, 1962, 208–249].

В настоящее время Виленский список является едва ли не хрестоматийным примером текста на старобелорусском языке „традиционного“ типа, где наряду с собственно белорусскими языковыми чертами имеются элементы церковнославянского языка, а также наглядно представлены особенности орфографии старобелорусской письменности периода второго южнославянского влияния [Карский, 1955, 73–75; Жураўскі, 1967, 59–72; и др.].

Однако, как исследование Е. Карского, так и более поздние работы носят описательный характер, язык памятника рассматривается на одном синхронном срезе, без учета структурно-функциональных особенностей текста. В результате в таких описаниях констатируется наличие тех или/и иных форм (различных вариантов средств выражения), но не объясняются причины их появления.

В дограмматический период истории литературного языка присутствие в тексте различного рода дублетов обусловлено несколькими причинами.

Во-первых, у создателя нового текста на церковнославянском языке есть две возможности языкового поведения: либо так называемое традиционное употребление, ориентированное на образцовые тексты, либо гибридное, при котором существует определенный ограниченный набор специфических признаков книжности, использование которых „гарантировало“ литературность текстов, а также специальное обучение этому языку, опять-таки ориентированное на образцовые тексты [подробнее об этом см.: Живов, 1988; Живов, 1990; Успенский, 1988, 21–24, 90–101]. Несколько иная ситуация у создателя текста на „прослом“ литературном языке, поскольку отказ от специфических признаков книжности, характерных для первых двух типов языкового поведения, не означает разрешения писать так, как говорят. В этом случае на выбор средств выражения влияет целый ряд объективных и субъективных факторов: социолингвистическая ситуация, общая

историко-культурная обстановка, жанр будущего сочинения, образованность пишущего и пр. [подробнее об этом см.: Живов, 1988; Запольская, 1993, 41–62]. Но поскольку выбор языковых средств не был строго регламентирован грамматикой, в текстах неизбежна вариативность употреблений, нормализаторские устремления книжников представляют собой более или менее последовательно выраженную тенденцию в использовании тех или иных форм.

Во-вторых, компилятивный характер средневековых историографических произведений ни у кого не вызывает сомнений. „Во многих случаях летописец является продолжателем летописи: он переписывает или компилирует старые летописные известия и продолжает их, обращаясь к событиям своего времени. Даже если летопись покрывает лишь ограниченный отрезок времени, автор ее начитан в летописной литературе и пишет по определенному канону. В этих условиях естественно, что он усваивает и языковую традицию данного жанра (возможно, в отдельных моментах как-то ее переосмысляя)“ [Живов, 1988, 56–57]. Но летописец не механически переписывает старые своды, а редактирует их под определенным углом зрения не только в содержательном, но и языковом плане, т. е. сознательно или несознательно правит старый текст в соответствии со своим субъективным представлением о правильности языка. В данном случае к вариантности текста одного источника присоединяется вариантность другого источника, а на исходные тексты накладывается редакторская правка компилятора, которая в силу чисто психологических причин не может быть выдержана последовательно.

В-третьих, как правило, для таких текстов, как различные бого-служебные книги, четья литература, историческая проза, характерно наличие множества списков одного и того же произведения, находящихся в определенной зависимости друг от друга. При создании нового списка переписчик при всем буквализме отношения к тексту-источнику не может не вносить каких-либо изменений в текст, поскольку у него другая выучка, другая орфографическая система, а изначально, при отсутствии грамматики, орфография регламентируется школьным обучением.

Таким образом, исходный текст постепенно „обрастает“ „исправлениями и дополнениями“, вариантными формами и написанием. В задачу исследователя входит постепенное „раздевание“, снятие более поздних пластов, структурирование текста и, тем самым, объяснение причин появления тех или иных дублетов – вариантов средств выражения.

В данной работе представлена попытка функционального осмысления языковых особенностей Виленского списка, во-первых, с точки зрения теории литературного языка, и, во-вторых, с точки зрения истории создания текста², хотя принято считать, что список того или иного произведения отражает языковые представления лишь последнего переписчика, и поэтому данные языкового анализа едва ли можно использовать для реконструкции истории создания текста [Успенский, 1988, 71].

I

При изучении языковых особенностей памятника нельзя не заметить довольно последовательно выдержанной старой нормы в правописании заднеязычных. Первым обратил внимание на сочетания *кы, гы, хы* – *ки, ги, хи* Е. Карский [Карский, 1962, 224]. А. Журавский отмечал, что архаичные сочетания *кы, гы, хы* „чаще всего встречаются в формах прилагательных и окончаниях различных падежных форм существительных“ [Жураўскі, 1967, 62]. А. Булыко также пишет об „устойчивом сохранении *кы, гы, хы* в Виленском списке летописи“ [Булыка, 1970, 116].

Но, насколько известно, никто из исследователей не обратил внимания на дополнительное распределение орфографических

² Работа выполнена по печатному изданию текста летописи в ПСРЛ-17, т. к. сравнение рукописного текста (Библиотека АН Литовской Республики, F22-49) с печатным *de viso* показало исключительную точность С. Пташицкого при передаче рукописного текста, за исключением диакритик, которых С. Пташицкий не учитывал вообще; этого нельзя сказать об издании текста „Летописи Авраамки“ [ПСРЛ-16], которое ни в коем случае нельзя использовать для лингвистического анализа. Для удобства после примеров указывается номер листа рукописи.

вариантов **кы, гы, хы** и **ки, ги, хи**. Нормативным для всего текста является написание **ы** после заднеязычных **к, г и х** в окончаниях существительных и прилагательных, а также в конце несклоняемых частей речи: **великыи** [л. 438], **великых** [л. 439], **высоких** [л. 439], **великы^м** [л. 442об.], **трокы** [л. 442], **воискы** [л. 443об.], **коморники** [л. 444], **маткы** [л. 444], **жонкы** [л. 444об.], **чачьскы** [л. 449об.], **такых** [л. 445], **дрѣгы** [л. 449об.], и др., **пакы** [л. 444об.], но **пакъ** [л. 438об.], **акы** [л. 4445], но **акѣ** [л. 445] и пр. Это правило не распространяется на подобные сочетания в середине слова, напр.: **шакгирѣ** [л. 437об.], **дорогичиноу** [л. 440об.], **скиргайла** [л. 443об.], **кнагинѣ** [л. 444об.], **кнагинею** [л. 446об.], **шакгимонтовича** [л. 447об.], **скиргайло^м** [л. 448], **кнагина** [л. 448об.], **кнева** [л. 450об.] и др. В тексте обнаружены два случая отступления от этого правила: с одной стороны – с **кымы** [л. 440], с другой стороны – **кыевѣу** [л. 450об.], причем второй пример, очевидно, нужно рассматривать как отражение орфографии протографа, ибо в остальных случаях слово написано через **и**: **кыевѣ** [л. 450], **кыева** [л. 450об.], **кыевѣ** [л. 450об.], **кыевѣ** [л. 450об.]. Кроме того, в приписке, написанной тем же почерком, что и летописный текст, и помещенной непосредственно перед ним [л. 436–437], написание заднеязычных подчинено тому же принципу: **грѣхы** [л. 437], но **всѣхуишаеть** [л. 437], с такими же исключениями: **погыбаю** [л. 436об.], но **грѣхы** [л. 437].

Если не принимать во внимание указанное дополнительное распределение орфографических вариантов, можно подумать, что писец либо не осознавал существенной разницы между сочетаниями **кы, гы, хы** и **ки, ги, хи**, либо не различал **ы** и **и**, т. е. это мог бы быть или южнославянин, в родном языке которого фонетическое различие между **ы** и **и** утрачено, или украинец, который бы не различал **ы** и **и** графически. Но высказанное предположение не находит подтверждения в тексте, т. к. во всех остальных случаях, по крайней мере на уровне орфографии, писец различает твердость/мягкость согласных перед **и**, кроме шипящих **и ц**, после которых он традиционно пишет **и**.

Таким образом, можно предположить, что указанное распределение орфографических вариантов по твердости/мягкости заднеязычных принадлежит перу последнего переписчика.

Одной из характерных черт второго южнославянского влияния принято считать появление ж на месте У различного происхождения. В исследуемом памятнике отмечено 19 примеров написания ж на месте восточнославянского ү и ю. Кажется любопытным тот факт, что в 13 случаях ж используется в окончаниях различных частей речи: *волынскѣж* [л. 437об.], *собож* [л. 437об.], *къ городѣж* [л. 437об.], *своємѣж* [л. 438об.], *живѣж* [л. 438], *братаннѣж* [л. 439], *противѣж* [л. 439], *вншѣж* [л. 439об.], *приженѣж* [л. 442об.], *къ краѣж* [л. 449], *въ смолеѣскѣж* [л. 446], *тетѣж* [л. 447], *кнѣжнѣж* [л. 447об.], и лишь 6 – в корнях: *нѣжнѣж* [л. 447об.], *почѣжѣж* [л. 440об.], *гѣжстѣнѣж* [л. 439], *кѣжѣж* [л. 439, 439об.], *кѣжѣжѣж* [л. 438об.]; т. е. орфография ж – как бы явление одного порядка с твердостью заднеязычных в окончаниях. Но, если в случае с заднеязычными – это жестокое правило с одним исключением, то ж – лишь слабо выраженная тенденция, которая объясняется либо влиянием орфографии протографа, либо показывает сознательное „окнижение“ текста последним переписчиком за счет использования ж в так называемой декоративной функции [Карский, 1979, 212–215].

Показательным с точки зрения как истории создания текста, так и реконструкции языковых воззрений последнего переписчика является появление „зияющего“ написания, т. е. отсутствие интервокального Ј перед а и его орфографические варианты (написания типа: „гласный+а“ или „гласный+ѣ“. Е. Карский, указывая на эту черту орфографии памятника, писал, что сочетания Аа=АЈа является или особым графическим приемом, или отражает живое произношение, т. к. пропуск Ј между согласными известен некоторым современным белорусским говорам [Карский, 1955, 75; Карский, 1962, 226]. А. Жураўскі и А. Булыка объясняют появление „зияющего“ написания влиянием южнославянской орфографии [Жураўскі, 1967, 63; Булыка, 1970, 32–33]. В исследуемом тексте представлено следующее распределение: „зияющее“ написание встречается 27 раз: *кѣрѣжѣж* [л. 437], *лиѣлаѣскаѣж* [л. 442об.], *непрѣтели* [л. 442об.], *лиѣлаѣскаѣж* [л. 442об.], *прѣѣскаѣж* [л. 442об.], *нѣ починаѣж* [л. 443], *вѣланѣж* [л. 444об.], *хрѣтѣнѣж* [л. 449об.], *хрѣтѣнѣж* [л. 445],

хрѣтѣаны [л. 445], аманъ [л. 445], хрѣтѣаны [л. 445], хрѣтѣанское [л. 445.], хрѣтѣане [л. 445], пролитѣа [л. 445], хрѣтѣанское [л. 445], хрѣтѣаны [л. 445], хрѣтѣаны [л. 445], хрѣтѣанское [л. 445об.], хрѣтѣанскѣю [л. 445об.], великаа [л. 446об.], вѣдры [л. 446об.], вѣсильа [л. 447об.], вѣликаа [л. 447об.], вѣликаа [л. 448об.], шакгирѣваа [л. 448об.], вѣликаа [л. 448об.]. Еще в четырех словах – лифлаѣскаш [л. 437об.], евъѣтѣ [л. 442об.], провѣилоса [л. 440.] и отчавѣл [л. 446] – „зияющее“ написание вполне возможно. Единственное написание аганѣо [л. 449об.], наряду с обычными аганѣо или аганѣо, является, очевидно, гиперкоррекцией. Более того, в рукописи представлена тенденция в начале слова писать ѣ, т. е. нейотированную графему – (38 случаев), а не ѡ – (21 случай). В остальных случаях в позиции перед гласным писец традиционно использует ѣ, напр.: немѣскаа [л. 442об.], хотя рядом – лиѣланскаа [л. 442об.], проплакиваа [л. 440], кнѣжнѣах [л. 438об.], стаати [л. 440об.], таа [л. 441об.], надѣлса [л. 442], прилзни [л. 442] и др. Можно предположить, что писец, переписывая рукопись, сочетания „гласный+ѣ“ передавал сочетанием „гласный+а“, а сочетания „гласный+ѣ“ оставлял без изменения. Начальное ѡ, а также ѣа после согласных, видимо, тоже сохраняется. Этот вывод подтверждается примерами „зияющего“ написания в приписке: сѣа [л. 436], бжѣа [л. 436об.], шѣаѣати [л. 436об.], согрешенѣа [л. 436об.], афанасѣа [л. 437], покаянѣа [л. 437], шѣаѣвенѣа [л. 437], сѣа [л. 437], каѣа [л. 437], но в 5 случаях представлена графема ѡ: браѣтѣа [л. 436об.], вѣаѣаѣ [л. 436об.], соѣтѣаѣа [л. 436об.], ѡѣѣѣѣ [л. 437], стоѣати [л. 437]. Примечательно, что в 10 примерах из 16+(11 словоформ с корнем хрѣтѣан-) основного текста и в 8 случаях из 9 текста приписки „зияющее“ написание приходится на конец слова и лишь в 3 из 9 потенциально возможных случаев написания нейотированной графемы представлено конечное ѡ.

Следовательно, употребление орфографических вариантов ѣ/ѡ после гласных подчиняется указанному выше правилу использовать в конце слова архаизирующий, т. е. правильный с точки зрения пишущего вариант. Следует обратить внимание на тот факт, что в тексте не отмечено ни одного употребления ѣ, во всех позициях в этой функции используется ѣ, т. е. нейотированная графема.

Таким образом, в данном списке представлено следующее распределение графических дублетов по позиции в слове:

Графема \ Позиция в слове	„Неконец“ слова	Конец слова
„И“ после заднеязычных	n-1	1
„Ы“ —”—	1	n-1
ж	6	13
АЈа	6+(11 словоформ с корнем <i>ѡрѡтан-</i>)	10

где n – количество всех употреблений в тексте.

Как видим, в рукописи обнаруживается определенная тенденция сознательного „окнижения“ летописного текста за счет использования архаизированных окончаний.

Описывая особенности орфографии Виленского списка, нельзя не обратить внимания на дополнительное распределение южнославянских и восточнославянских рефлексов сочетаний редуцированных с плавными. Как Е. Карский, так и А. Булыко и А. Журавский интерпретируют сочетания -ръ- и -лъ- как следы южнославянского влияния [Карский, 1962, 224; Булыко, 1970, 35; Жураўскі, 1967, 63].

Однако, кажется, никто из исследователей не заметил, что южнославянский вариант написания **ърт/ъртъ* > *ърѣт* охватывает далеко не все случаи, где представлены рефлексy праславянских сочетаний редуцированных с плавными. Наблюдения над текстом летописи показывают, что сочетание -ръ- встречается в четырех корнях: *дрѣжати* и производных от него – 9 раз: *дрѣжалъ* [л. 437об.], *дрѣжати* [л. 438об.], *дрѣжати* [л. 439об.], *дрѣжа*^а [л. 440об.], *дрѣжати* [л. 444], *дрѣжал* [л. 444], *дрѣжалъ* [л. 446об.], *оудрѣжати* [л. 447], *дрѣжа* [л. 450об.], *прѣвыи* – 2 раза: *прѣвое* [л. 439], *прѣвое* [л. 442об.], *трѣпѣти* и производном от него – 2 раза: *трѣпѣти* [л. 448об.], *ѡтрѣпѣша* [л. 450],

врѣхъ – 1 раз: врѣхъ [л. 446]. В других словах на месте праславянских *tьrt/tьrt представлены восточнославянские рефлексy, напр.: твердо [л. 444], полко^м [л. 447], чернець [л. 450об.], должеи [л. 444об.]. Следует отметить, что дважды писец отступает от указанного правила. В тексте отмечено по одному случаю восточнославянской огласовки слов прѣвыи – прѣви [л. 442об.] и дрѣжати – держали, причем последнее – в прямой речи: што вымо держали свое а вы свое [л. 443], т. е. такое употребление оправдано стилистически как стремление более точно передать речь Великого князя [о подобной установке летописцев при использовании полногласной и неполногласной лексики см.: Кандаурова 1968, 72–94]. Интересным является написание испольчи^в [л. 446], при обычных: полци [л. 446], полко^м [л. 447], шполчи^с [л. 448об.], которое можно интерпретировать по-разному: как гиперкорректное, как отражение второго полногласия [Карский, 1955, 256–257] и, наконец, как „нормальное“ написание с вставным ъ между согласными, стоящее в одном ряду с такими примерами, как мостквою [л. 448], витовѣтъ [л. 440], нѣмци [л. 440] и др., появление которого в старобелорусской письменности исследователи объясняют влиянием южнославянской орфографии [Карский, 1955, 75; Булыка, 1970, 35; Булыка, 1990, 161]. Вполне возможно, что указанное распределение написания сочетаний редуцированных с плавными введено последним переписчиком, что подтверждается написанием при дрѣжавѣ^ѣ [л. 436], но долга [л. 437] в приписке.

Как особый орфографический прием, видимо, следует рассматривать стремление писца не употреблять при наличии графических дублетов одинаковых графем, обозначающих одну и ту же фонему, в смежной позиции, напр.: о//ш=/о/ – горш^а [л. 447], к орши прихш^амъ [л. 445об.], братш^а своимъ [л. 440], оу//ш//ъ//ч =/ш/ – землю волянскѣж [л. 443об.], великомъ кнѣзю витовѣтоу [л. 447], емъ нѣжно [л. 446об.], кролевноу адвигѣ [л. 449], къ брату своемъ ко князю великомъ кестовѣ [л. 438] и под. Такому же принципу подчинено чередование оу(ѣ)//в=[u], напр.: ве^ами оу высокихъ [л. 439], и бы^а той вой^ало ѣ великои мшии ѣ великого князѣ [л. 439], ѣ великои мл^асти и в ласце [л. 437об.], еса^ами ѣ вежѣ [л. 444], въ нѣмци и оу прѣсы [л. 444об.], ѣ мистра в

нѣмцехъ ѿ маршнѣ градѣ [л. 448], поимѣнъ на мѣ оу мир и в великую любовъ [л. 448] и под. Следует отметить, что эти приемы выдержаны непоследовательно, напр.: ѿ любви и оу великои млѣти [л. 438–438об.].

Все перечисленные выше орфографические приемы распределены по тексту памятника приблизительно равномерно. Это свидетельствует о том, что они не могут быть текстологически значимыми, т. е. они не могут быть объяснены за счет сведения в одно произведение отрывков текста с различной орфографией. Представленный материал показывает определенную тенденцию упорядочить употребление графических дублетов, подчинив их использование искусственно созданным правилам типа: „в конце слова пишши „южнославянскую“ графему или сочетание (-кы, -Аа, -ж), в середине слова – их восточнославянское соответствие“. В силу этого можно предположить, что указанное распределение орфографических вариантов введено последним переписчиком – Авраамкой. Поскольку, как сказано в приписке, Авраамка переписал „Летописец...“ „изволенемъ бжїи^м и повеленіемъ гна влад^{кы} епа смоленскаго юси^ф“, следует, что Авраамка, видимо, был связан со смоленским епископским скрипторием, одним из крупнейших книжных центров XV в. в ВкЛ. Именно там он мог усвоить показанные выше механизмы пересчета для порождения текста на „книжном“ языке.

Почти все указанные выше орфографические черты текста Виленского списка летописи принято рассматривать как следы второго южнославянского влияния. Но, насколько известно, никто из исследователей не ставил вопрос о генезисе этих „следов“, т. е. с какой или какими из южнославянских орфографических школ они связаны.

Появление ж на месте восточнославянского ү различного происхождения и отсутствие йотации в интервокальной позиции традиционно и однозначно связывается со среднеболгарской (тырновской, Евтимиевской) орфографической школой. Такая особенность орфографии Виленского списка, как разуподобление написаний при наличии графических дублетов, и свободная взаимозаменяемость оу и в в начале слова, считающиеся одной из характерных черт старобелорусской орфографии, отражающей живое произношение [Карский,

1955, 329–332; Булыка, 1970, 98–100], а также отсутствие йотации, является орфографической нормой зетско-холмской книжной школы (Сербия) [Добрев, 1991, 220–221]³.

Разумеется, высказанное предварительное предположение нуждается в значительной доработке, т. к. на основании анализа орфографии одного памятника нельзя судить об особенностях графико-орфографических приемов всего кириллического литературно-письменного наследия ВкЛ.

II

Одной из характерных морфологических особенностей данного памятника является вариантность средств выражения значения прошедшего времени. Значение прошедшего времени в Виленском списке оформлено главным образом двумя способами: 1) универсальной формой перфекта без связки (*I*-ые формы), 2) формами простых претеритов – аориста и имперфекта. В тексте отмечено несколько случаев употребления форм перфекта со связкой и пшосквамперфекта, но поскольку их употребление не связано со стратификацией текста, эти формы специально не анализируются.

Е. Карский, описывая языковые особенности памятника, обратил внимание на указанную вариантность и привел некоторые случаи

³ По мнению Ю. Лабынцева, „связь з сербскай кнiжнасцю для Беларусi XVI ст. была справай цалкам звычайнай“ [Лабынцаў, 1990, 219]. Так, в церковно-славянских богослужебных рукописях, созданных и бытовавших на территории ВкЛ, представлено много сербского материала – службы и жития таким сербским святым, как Саве Сербскому, Симеону Сербскому, Арсению Сербскому, в одной из рукописей упоминается день святого Уроша, в тех же рукописях встречаются сербские языковые черты [подробнее об этом см. Наумов]. Вполне возможно, что взаимозаменяемость в старосербской письменности кон. XII–XIII в. начальных У и В, отражающая реальные фонетические процессы в старосербском языке (переход [v]>[u] в начале слова) [Добрев, 1991, 220], послужила своего рода зеленым светом для проникновения и затем широкого распространения такого же орфографического приема, отражающего близкие фонетические процессы в старобелорусском языке (переход [u,v]>[u] перед согласными) и имеющего подобное графическое обозначение, в старобелорусской письменности.

аграмматизма в образовании форм аориста [Карский, 1962, 237–238]. Но для Е. Карского эти примеры были интересны с точки зрения истории языка, где аграмматизм свидетельствовал лишь об их „мертвости“ в живом языке. Более показательными и поэтому более значимыми они являются для истории литературного языка, ибо здесь сам факт стремления использовать „мертвую“ форму, пусть даже неправильно, в текстах на гибридном языке рассматривается как подражание более древним образцам, желание писать „по правилам“, „по-книжному“ [о понятии гибридного языка см.: Живов, 1988, 49–98; Запольская, 1993, 41–62].

К сожалению, никто из исследователей не заметил дополнительного распределения по тексту летописи форм перфекта без связки, с одной стороны, и форм аориста и имперфекта, с другой.

Проделанная работа показывает, что на основании истолкования тех или иных форм прошедшего времени весь текст Виленского списка делится на две примерно одинаковые части⁴. В первой части (в дальнейшем будем называть ее „русской“), от начала *оу великого князѧ кге^Ммина литовского .ѣ. с^Мновъ было* [л. 437] до и присла^А архи^Бискупъ^П бискупѧ к вилини в литовскую землю [л. 449об.], отмечено лишь 7 глаголов в форме аориста, 5 из которых – *поидѧ* (4 раза) и *оумре* (1 раз) – входят в состав традиционной летописной фразеологии и едва ли могут быть значимыми для истории создания текста, все остальные глагольные формы прошедшего времени выражены формой перфекта без связки. Во второй же части (в дальнейшем будем называть ее церковнославянской), от и тогда *начаша стави костелы* [л. 449об.] до конца рукописи, используются преимущественно формы аориста и имперфекта (случаи употребления в этой части *l*-вых форм будут оговорены ниже), ср.: *нѣхѧ пакѧ оу великого князѧ шакгирѧа хшлѧпѧ вонидѧо прѣвое бмѧ. перкарцо^М а пото^М оуставѧвѧ его постелю собѣ слати и водѧ давати собѣ пити. пото^М пакѧ полюбѧвѧса емоу велими. и да^А бмѧ емѧ лидѧу дрѣжати. и повелѧ его ѧ великы^Х пото^М по жикетѣ.*

⁴ Неоднородность состава „Летописца Великих князей Литовских“ впервые установил С. Смолька [Smolka, 1890, 34–53].

ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ШАГИРДА ДВѢ ЛѢТѢ БОУШИ ЛЬ БЫЛО КНЯЗЬ ВЕЛИКИЙ АГАИЛО. ПОВЕДЕТ ЕГО ВЕАМИ ОУ ВЫСОКЫХ. И ДАДЕТ ЗА НЕГО СЕСТРЫ СВОЮ РШАНОЮ КНІГНЮ МАРЮ. ШТО ПОТОМЪ БЫЛО ЗА КНЯЗЕМЪ ДДОМЪ [л. 439] ~ БОЖЕЮ СИЛОЮ ТѢТО НЕ МАЛО ИЗБИТО БЫСТЬ РАТИ. И МНОЖСТВО КНЯЗЕЙ И БОАРЪ. И САМОГО ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ СВАТОСЛАВА ОУБИША. СЫНА ЖЕ ЕГО КНІЗЯ ЮРЬА КНІЗЬ ВЕЛИКИЙ СКИРГАИЛО ШЕДЕТЪ Я ТРОУПЕУХЪ МНОГЪ РАНАНА ТОАКО ЖИВЪ И ВЗАМЪ ЕГО. И НАЧА ЛЕЧИТИ МНОГИ ЛѢКАРСТВО. И ГЛАВУ СМЪ ПОСТРИЖЕ. ЗАЖЕ МНО РАНАМЪ. И ШЧАМЪ СОБѢ ЖИВОТА. КНІЗЬ ЖЕ ВЕЛИКИЙ СКИРГАИЛО. ИСЦѢЛИВЪ ЕГЪ Ш РАМЪ. И ПРИВЕЗЕ КЪ МАТЕРИ ЕГО ВЕЛИКОИ КНІГНИ СВАТОСЛАВА. И ПОСАДИ ЕГО НА ВЕКОМЪ КНЯЖЕНИ ВЪ СМОЛЕСКЪ. ЗАЖЕ БЫСТЬ ЗА КНІЗЕМЪ ЮРЬЕМЪ ДОЧКА СТАРШЕЙ СЕСТРЫ СКИРГАИЛОВИ [л. 446].

Как видим, в первом отрывке из 7 глаголов в форме прошедшего времени 6 употреблены в форме перфекта без связки. Во втором тексте 9 личных глагольных форм из 10 представлены формами аориста.

Т. Сушицкий, анализируя содержание „Летописца ...“, пришел к выводу, что он состоит из трех относительно самостоятельных частей, написанных разными людьми и в разное время: „Сказания о борьбе Кейстута и Ягайлы“, „Сказания о Витовтовом княжении“ и „Повести о Подолии“.

В Виленском списке утрачен конец. Он заканчивается в настоящее время едва читаемым сообщением о смерти Скиргайлы [л. 450об.], которое, по Т. Сушицкому, входит во вторую часть „Летописца ...“ [Сушицкий, 1930, 152]. „Повесть о Подолии“, таким образом, остается за пределами лингвотекстологического анализа.

Текстовую границу между „Сказанием о борьбе Кейстута и Ягайлы“ и „Сказанием о Витовтовом княжении“ Т. Сушицкий определяет моментом бегства Витовта из плена к немцам: спочустился з города. и оутекъ з города. въ нѣмцы и оу прѣсы. [л. 444об.], основываясь на текстологическом анализе славянского „Летописца ...“ и латинского „Origo regis Jagyelo et Wytholdi ducum Lithuanie“⁵ [Сушицкий, 1930, 144–149].

⁵ Принято считать, что латинский текст „Origo regis Jagyelo et Wytholdi ducum Lithuanie“ является переводом более ранней несохранившейся славянской (белорусской) редакции текста летописи ВкЛ, возникшей не позднее 90-ых гг. XIV в. [подробнее об этом см. Чамярыцкі, 1969, 103–112].

На самом деле, сразу же после сообщения о бегстве Витовта в тексте происходит смена языкового кода: если первая часть летописи была написана на „русской“ мове с элементами церковнославянской орфографии, то первое предложение второй части: *бывшюу же емѣ в нѣмцех и оу маринѣградѣ оу мистра. приехаша к немуу мнози кнѣзи и бояре литовьскыи.* [л. 444об.] – на гибридном церковнославянском (оборот дательный самостоятельный, форма аориста, неполногласие). Но цитированное предложение – лишь церковнославянская глосса (вставка) в тексте летописи, т. к. следующие главы, условно названные Т. Сушицким „О возвращении Витовта в Литву и его вокняжении в Луцке и всей Волынской хземле“ и „О крещении и коронации Ягайлы“ [Сушицкий, 1930, 151], написаны на „русской“ мове. Начиная со следующей главы, „О походе Андрея Полоцкого на Литву“, до конца рукописи язык летописи следует определить как гибридный церковнославянский.

Таким образом, столь четкое деление текста по морфологическому признаку при отсутствии переходной зоны позволяет предположить, что причина этого деления *не лингвистического*, а сугубо текстологического характера⁶.

В церковнославянской части Виленского списка отмечено 11 форм перфекта без связки: *сътвори^А* [л. 445], *быль* [л. 445об.], *прих^Аи^Аль* [л. 445об.], *присла^А* [л. 446об.], *дрѣжалъ* [л. 446об.], *было* [л. 446об.], *побегла* [л. 447], *поймано было* [л. 447], *добы^А* [л. 447], *звоева^А*

⁶ В связи с этим показателен тот факт, что классический способ „окнижения“ текста при помощи формы Род. п. ед. ч. прилаг. м. и ср. р. -аго, в данном тексте практически отсутствует: Отмечен лишь один случай: *а сѣна своего великаго князѣ* [л. 441об.], который возможно(!), является отражением аканья. Другие примеры аканья см.: [Карский, 1962, 221]. Заметим, что в приписке в 3 прилагательных из 5 в форме Род. п. ед. ч. м. р. используется окончание -аго *грѣшнаго* [л. 436об.], *всакаго* [л. 437], *огрѣш^Ающаго* [л. 437] – *вели^Аго* (-аго / ого – ? [л. 436об.], *смоленского* [л. 436об.]. Указанная языковая особенность данного списка „Летописца...“ также свидетельствует о том, что переписчик не ставил перед собой цели грамматической правки (нормализации) переписываемого им текста.

[л. 447об.], възда^а [л. 450об.]⁷. Перечисленные словоформы входят в состав глосс, которые, как кажется, внесены в церковнославянский текст при соединении разных частей летописи в одно произведение, ср.: глоссу *важе* ни антиш^х сирскыи. ни *ѡманъ* престѡупникъ такыѡ. моужь не *сътвори*^а надъ хр^тіаны. [л. 445] можно рассматривать как уточнение редактора-компилятора к уже написанному чуть выше ни на поганыхъ ратехъ слышах^{ом} такыѡ мѡкъ [л. 449об.]; глосса (*святослав^ѣ смоленскыи*) преж^ѣ *былъ* по^а витевьско^м. а пото^м *ко рши приуш^анъ* [л. 445об.] повторяет уже известную информацию (*кназь святослав^ѣ смоленскыи совѣтъ* <...> *сътвори.*) <...> *а кназь святослав^ѣ ко рши.* [л. 449об.], видимо, чтобы напомнить ее читателю. Следующий „русский“ отрывок церковнославянской части практически дословно повторяет или резюмирует содержание первой части, ср.: и въ ви^ню *присла^а* король старостѣ *ла^аско^г.* а кназь великыи вито^втъ тог^а *дръжалъ* *лѡческѣ.* и *всю землю волынскѣю.* а в *литв^ѣско^и* *земли ѡ шчинѣ* его бысть е^мѣ н^ѣж^но. иже чого пере^а ты^м не *было* ѡ литв^ѣскои *земли* [л. 446об.] соответствует тому, что *кназь* *агаило* пере^звава^ѣ его (Витовта – Н. М.) с нѣмци. и *ла^а* *ем^оу лѡческѣ.* *съ всею волынскою землею.* а ѡ *литв^ѣскои* *земли ѡ шчинѣ* его. <...> [л. 449] – подчеркнутые части практически совпадают, информация же о том, что Витовта не было в Ляте, а его место в Вильне, вытекает из всего предыдущего текста летописи. В следующем отрывке присутствует достаточно значительная „русская“ редакторская вставка (выделено курсивом): и побѣжени быша *литва.* и побѣгла. и побито *иѡ* мно^гество. а *иныхъ* *кнажен* и *панов.* много *поймали.* и в *на^мство* *дали.* *кназа* *семена* *евн^ѣевича.* *кн^ѣза* *гльба* *святославича* *смоленского.* *кн^ѣза* *василя* *коста^нтиновича.* *кн^ѣза* *ивана* *тетѣ* *лва* *плакнча.* и *иныхъ* *кнажен.* *поймано* *было* *много.* и *понде* *великыи* *кназь* *витов^ѣтъ* къ *гра^д* *виани.* съ *всими* *своими* *вои.* и *остѣпи* *гра^д* *вианю.* и

⁷ Многие фрагменты последнего абзаца (последняя страница рукописи в настоящее время почти не поддается прочтению) в издании С. Пташицкого восстановлены по другим спискам, потому глагольные формы этого отрывка здесь не учитываются.

⁸ В рукописи перепутаны листы: после л. 444 должен идти л. 449.

**поча добывати кривого города пѣшками бити. и добы^а. тогда же нѣмци
ѡбиша кня^а корганила. шакгирдовича. а ла^аскон заставѣ тог^аа вывѣш^и
(оу вы)соко^м городе. и не пѣстиша в горш^а кня^а корганило. кня^з же
вело^{кы} нито^га. ш^ама кривы^и горош^а. и землю зво^ева^а. и верне^с оу
нѣмци. [л. 447–447об.]. Первая выделенная глосса (перечисление
взятых в плен князей) представляет собой явное дополнение к тексту
источника; „русская“ вставка и добы^а в данном случае опережает
события (подчеркнуто), т. к. немного ниже та же информация
приводится по-церковнославянски; последнее предложение землю
зво^ева^а резюмирует содержание всего приведенного отрывка о походах
Витовта на Литву⁹. Последняя „русская“ вставка скиргалило бо^кею
помо^чю. и велико^г кня^а вито^га пове^лѣннѣмъ в^аз^аа^а черкасы и
звинигеро^а. [л. 450об.], видимо, также представляет собой
своеобразный итог вышесказанному.**

Таким образом, есть основания считать, что все глагольные формы
перфекта без связки в церковнославянской части рассматриваемого
списка появляются благодаря редакторской работе составителя свода
1446 г. Виленский список, так же, как и сама редакция 1446 г.,
смоленского происхождения; как показывает лингвотекстологический
анализ, он достаточно последовательно отражает текст „Летописца...“
1446 г., вполне возможно, что сам список был сделан с оригинала
1446 г.¹⁰ Авраамка, переписывая „Летописец...“, видимо, позволил

⁹ Попутно отметим, что в этом отрывке используются преимущественно
полногласные формы (4/2), что также указывает на редакторскую правку, по-
скольку в церковнославянской части списка преобладают неполногласные формы
– 47 случаев неполногласия и только 10 – полногласия. В „русской“ части списка
используются исключительно полногласные формы (20 примеров). Четкое рас-
пределение употребления полногласной и неполногласной лексики по тексту
летописи свидетельствует о том, что перед нами произведение компилятивного
характера, в одной части которого представлены только полногласные лексемы,
в другой – возможны те и другие, но преобладают неполногласные формы.

¹⁰ В более позднем Слуцком списке (около 1524 г.), отражающем ту же ре-
дакцию „Летописца...“, что и Виленский список, языковая граница между ос-
новным церковнославянским текстом и редакторскими вставками практически
отсутствуют

себе, в соответствии со своей выучкой, несколько „окнижить“ текст на уровне орфографии. Грамматическую структуру текста он оставил без изменения.

В заключении нужно отметить, что вариативность средств выражения в тексте Виленского списка „Летописца...“ различного происхождения: с одной стороны, она отражает те или иные нормализаторские установки переписчика (Авраамки), с другой стороны, она обусловлена причинами текстологического характера, т. е. компилятивностью самого текста. Как видим, нормализаторские тенденции последнего переписчика распространяются не на все уровни языка письменного текста (орфографию, грамматику, лексику), а лишь на некоторые из них. Наиболее проницаемой в данном случае оказалась орфография.

Предложенная методика разграничения причин появления вариантов, как кажется, позволяет избежать механического смещения генетически разнородных языковых дублетов. По предварительным наблюдениям, в первой, древнерусской, части свода 1446 г., озаглавленном как „издание лѣтописаниа ѿложено въ кратце“, представлено такое же распределение употребления глагольных форм прошедшего времени, как в Виленском списке „Летописца...“: простые претериты сохраняются в тех отрывках текста, которые без изменений переписаны из древнерусского протографа, *l*-ые формы появляются в результате редакторской правки. Дальнейшая работа в этом направлении позволит, с одной стороны, вскрыть механизмы лингвистической работы летописца-компилятора, т. е. выделить диагностические признаки редакторской правки, с другой стороны, основываясь на подобной стратификации летописного текста, уточнить и дополнить отдельные разделы текстологии белорусско-литовского летописания, чему и будет посвящено отдельное исследование.

**„LIETUVOS DIDŽIŲJŲ KUNIGAİKŠČIŲ METRAŠČIO“ VILNIAUS NUORAŠAS –
KALBOS YPATUMAI IR TURINYS**

N. Morozova

Santrauka

Straipsnyje pateikiama „Didžiųjų kunigaikščių metraščio“ Vilniaus nuorašo kalbos ypatumų analizė. Atskirai nagrinėjamos dubletinės formos. Pateikta medžiaga rodo, kad šios formos yra skirtingos kilmės: rašybos variantai įvesti paskutinio perrašinėtojo, morfologiniai variantai (skirtingos būtojo laiko formos) liudija 1446 m. sąvado redaktoriaus papildymus ir taisymsus.

**VILNIUS TRANSCRIPT OF THE „CHRONICLE OF THE LITHUANIAN
GRAND PRINCES“ – LINGUISTIC FEATURES AND STRUCTURE**

N. Morozova

Summary

The article is devoted to the peculiarities of the language of the Vilnius transcript of the „Chronicle of the Lithuanian Grand Princes“. Particular attention is paid to the description of the orthographical and morphological variants. The work shows that in this text there are linguistic variants of different origin: the orthographical variants belong to the hand of the last copyist, the morphological variants can be explained by the compilation of the chronicle.

ЛИТЕРАТУРА

Булька А. М. Беларуская мова канца XV – пачатку XVI ст. // Скарына і яго эпоха. Мінск: Навука і тэхніка. 1990. 157–208.

Булька А. М. Развіццё арфаграфічнай сістэмы старабеларускай мовы. Мінск: Навука і тэхніка, 1970.

Отрывок краткой литовской летописи, находящейся в летописном сборнике, именуемом летописью Авраамки / Изд. А. Ф. Бычкова. Санкт-Петербург, 1893.

Добрев И. Рашката писменост и българският правопис през Средновековието // Кирило-Методиевски студии. София: Изд-во на БАН, 1991. Т. 8. 216–252.

Живов В. М. Роль русского церковнославянского в истории славянских литературных языков // Актуальные проблемы славянского языкознания. Москва: Изд-во Московского ун-та, 1988. 49–98.

Живов В. М. „Простота“ языка и ее реализации: О языке „Статир“ (1683–1684 гг.) // Сборник Матице српске за филологију и лингвистику. Нови Сад, 1990. Т. 33. 141–154.

Жураўскі А. І. Гісторыя старабеларускай літаратурнай мовы. Мінск: Навука і тэхніка, 1967. Т. 1.

Запольская Н. Н. Структурно-функциональный статус гибридных вариантов славянских литературных языков (Библия Ф. Скорины) // М. Л. Ремнева, Л. В. Златоустова, Н. Н. Запольская. Доклады по проблемам языкознания. Москва: Изд-во Московского ун-та, 1993. 41–62.

Кандаурова Т. Н. Полногласная и неполногласная лексика в прямой речи летописи // Памятники древнерусской письменности. Язык и текстология. Москва: Наука, 1968. 72–94.

Карский Е. Ф. Белорусы. Язык белорусского народа. Москва: Изд-во АН СССР, 1955. Вып. 1.

Карский Е. Ф. О языке так называемых литовских летописей // Е. Ф. Карский. Труды по белорусскому и другим славянским языкам. Москва: Изд-во АН СССР, 1962. 208–249.

Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография. Москва: Наука, 1979.

Лабынцаў Ю. Пачатак Скарынам. Мінск: Мастацкая літаратура, 1990.

Naumow A. Substrat południowosłowiański w ruskich rękopisach liturgicznych dawnej Rzeczypospolitej (В печати).

ПСРЛ – 16 – Полное собрание русских летописей, изданное по Высочайшему повелению археографическою комиссією: Санкт-Петербург, 1889. Т. 16.

ПСРЛ-17 – Полное собрание русских летописей, изданное по Высочайшему повелению археографическою Императорскою комиссією: Санкт-Петербург, 1907. Т. 17.

ПСРЛ-35 – Полное собрание русских летописей: Москва: Наука. 1980. Т. 35.

Smolka S. Najdawniejsze pomniki dziejopisarstwa rusko-litewskiego. Rozbiór krytyczny // Pamiętnik Akademii Umiejętności w Krakowie. Wydział: filologiczny i historyczno-filozoficzny. Kraków, 1890. Т. 8. 5–55.

Сушицький Т. Західно-руські літописи як пам'ятки літератури. Київ: З друкарні Всеукраїнської Академії Наук, 1930.

Улащик Н. Н. Введение в изучение белорусско-литовского летописания. Москва: Наука, 1985.

Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). Budapest, 1988.

Чамярыцкі В. А. Беларускія летапісы як помнікі літаратуры. Мінск: Навука і тэхніка, 1969.